

Я плохо помню, как прошёл обед. Я совсем не различала вкуса. После ухода Кина комната для новобрачных показалась мне огромной. Я растерянно села на кровать и посмотрела в потолок.

«Один месяц...»

Почему я сказала месяц? Я в спешке назвала именно такой срок. Не неделю, а месяц. Может я хочу быть рядом с Кином, но притворяюсь, что это не так? Или думаю, что он возненавидит меня через месяц? Я задавала себе вопрос, почему я дала ему такую отсрочку, но ответа не было.

— И что мне делать с моей свекровью? — сказала я и вздохнула.

Час назад я убежала со своего первого чаепития с мамой Кина и даже плакала как дура из-за того, что ничего не знаю. Я с самого начала не думала, что меня будут любить, но мысли о том, что следующий месяц меня будет ненавидеть свекровь, которая сказала, что я ей нравлюсь, вызывали у меня головную боль.

«Я не должна так переживать».

По моему опыту, каждый раз когда у меня болела голова, словно меня ударили камнем по затылку, после этого меня рвало кровью. Я также чувствовала онемение или пульсацию, словно кровь не циркулировала по всему телу.

«Если меня здесь вырвет кровью, даже в случае малейшего подозрения, мне сразу же вызовут врача».

И тогда он узнает, что у меня за болезнь. Мое позорное прошлое преследует меня повсюду и словно душит. Возможно, я выбрала месяц, желая скрыть свое прошлое. Чтобы раскрыть его, мне нужно морально подготовиться. Одна только мысль о том, чтобы рассказать историю моего несчастья, заставила меня задохнуться. Я была обманута сладкими словами про то, что это секрет только между нами двумя, поэтому с радостью принимала лекарство, даже не зная, что это. Ну, или я пила его, как сумасшедшая, потому что хотела, чтобы меня признали в конце концов.

...Поэтому я должна сказать ему всё — что и сколько я употребляла. Я должна была ему сказать всё.

Если бы я могла избавиться от прошлого, я бы так и сделала. Но я не могу.

Я разочарованно вздохнула. У меня заболела челюсть. Я даже не знала, что так крепко стиснула зубы, пока не вздохнула. Так сильно, что аж челюсть заболела.

Я опустила голову. Растерянно глядя на стену, я невольно произнесла имя, которое назвал

Кин.

— Эйли Блэшер.

В размеренно опадающей груди словно поднялась волна.

Это имя будет выгравировано на моем надгробии, когда я умру. Или нет, возможно, я буду похоронена в безымянной могиле неизвестно где. Я расслабилась, словно уже умерла, и тихо произнесла его имя:

— Кин.

Если через месяц я скажу тебе, что умираю, ты разозлишься на меня? Из-за того, что я не сказала тебе раньше. Или будешь презирать за то, что я трачу твое время на вещи, которые маловероятны?

Поэтому я тебе и сказала это. Разведись со мной. Я...Я же сказала тебе.

У меня снова разболелась голова из-за чрезмерного чувства вины. Но не настолько, чтобы меня рвало кровью. Я скорчился, как маленький зверек, прячущийся снаружи.

Прости, что не рассказала тебе, что я умираю. Но я не хочу говорить тебе это. Потому что это жестоко и больно.

«...Нет. Потому что я трусиха».

Я до сих пор боюсь своего прошлого, поэтому трусливо трясусь. Верно. Я трусиха.

Но я...тоже тебя люблю.

Внутри меня бурлили противоречивые чувства. Эмоции то становились сильнее, то затухали. Я пыталась возненавидеть Кина за то, что он защищал меня, словно я ни в чем не виновата, а затем я обвиняла себя в том, что ненавижу его.

На самом деле все эти противоречивые чувства были ложными. Я хотела сказать только одно. Но оно было настолько мучительным, что остальные эмоции вышли наружу, чтобы скрыть это чувство.

Я хотела сказать всего лишь одно слово.

«Прости».

Прости меня за трусость.

Похоронив свои эмоции, я малодушно извинялась в отсутствие человека, которому должна была сказать эти слова. Закрыв глаза, я вспомнила свою любимую фразу из книги, в страницы которой я завернула космеи, чтобы подарить Кину.

«И жили они долго и счастливо».

Я не помню, как наступила ночь. Поужинала ли я? Кин казался таким же, как обычно — по крайней мере, как вчера и сегодня.

Не успела я опомниться, как уже стояла перед Кином в ночной сорочке. Он сидел там же, где и вчера, снова оказавшись в кровати раньше меня. Трепещущая свеча таинственным образом освещала лицо Кина.

Вчера, по крайней мере, мое лицо было прикрыто вуалью. Когда я попыталась подойти к нему в одной ночной сорочке с открытым лицом, мне это далось нелегко, потому что я покраснела.

«У меня нет совести. Сейчас не время краснеть», — упрекала я себя, но мое тело было слишком честным.

Когда я из-за этого зрелища заколебалась и не смогла зайти внутрь, Кин спросил меня.

— Почему ты не заходишь? Ты не собираешься спать? — Мягко улыбаясь, он спровоцировал меня. — А, сегодня вечером ты хочешь поиграть в прятки? Что бы это ни было, я всегда рад тому, что моя жена хочет поиграть со мной. Вот почему я подготовил свой ежегодный отпуск...

Когда он уже собирался встать со своего места, я тихо вскрикнула и быстро подошла к нему. Затем я крепко прижала к его лицу подушку, чтобы прекратить этот поток бреда.

Я сейчас умру от смущения, у тебя видимо совсем стыда нет? А? Чёрт, я не хотела причинять тебе боль, а теперь умру от расстройства. К тому же...

До этого я была далеко от Кина, и он лежал на боку, поэтому я не могла увидеть, но... Зачем он расстегнул все пуговицы?

Хотя в комнате горела всего одна свеча, но я всё хорошо видела. У него было хорошо накачанное тело — мускулы и ни единого грамма жира, широкая грудь и плечи и кожа выглядела упругой. Я всё это чётко видела.

«К-кто тебе сказал целый месяц соблазнять меня?»

От смущения силы покинули руку, державшую подушку. Подушка упала и, ударившись об пресс Кина, отскочила. Он посмотрел, куда был направлен мой взгляд, и улыбнулся. Чёрт, запоздало я попыталась справиться с выражением своего лица, но Кин уже приблизился ко мне.

— Это всё твоё, женушка. Хочешь прикоснуться ко мне?

— Т-ты с ума сошёл?

Похоже, что он совсем недавно принял ванну — его свежий запах, который касался моего носа, тоже возбуждал меня. Когда я, испугавшись, не прикоснулась к нему, Кин цокнул и грустно посмотрел на меня.

— Тц, я изо всех сил старался хорошо выглядеть перед своей женой, а она даже не хочет потрогать меня, думаю, что я заболею.

Заболеешь? Думаю, что у Кина болезнь, при которой каждый раз, когда он открывает рот, из него вылетает чушь. В противном случае, он бы не нёс постоянно бред.

— Я расстроен. Как я могу стать мужем, которого любит жена?

— ...Просто застегнись как следует.

— Мне душно. Ты не можешь быть со мной помягче?

Душно? Тогда почему вчера ты так не сделал? Это же свободная одежда, как тебе может быть в ней душно?

— Ты и один так спишь? Сомневаюсь. То, что тебе душно всего лишь оправдание.

— Ты права, я обычно не расстегиваю пуговицы перед сном. Я сплю голым. Тогда мне всё снять?

Кин начал расстегивать пуговицы, словно и правда собирался всё снять. Я прижала его руку подушкой, подумав, что такими темпами я его увижу в чем мать родила. Кажется, я задела его

грудь и пресс, когда это делала.

— Как это могло стать твоей привычкой, когда ты много лет прослужил в армии?!

— Я решил, что с сегодняшнего дня будет так. В любом случае, скоро ты к этому привыкнешь.

Я положила подушку обратно на лицо Кина. Поток его глупостей прекратился. Тем временем, тяжело дыша, я пыталась прийти в себя. Честно говоря, это было сильным ударом для меня, потому что я не ожидала, что он воспользуется приёмами обольщения.

Кин, лежа под подушкой, задал мне вопрос. Его голос звучал немного сдавленно.

— Тогда мне не раздеваться?

— Нет.

— Тогда у меня нет выбора, кроме как ходить вот так, — пробубнил голос через подушку.

Я мысленно вздохнула и грубо убрала подушку. А затем легла, повернувшись спиной к Кину. Я подумала, что у меня голова заболит сильнее, если я продолжу разбираться с этим

«Расстёгнуты пуговицы или нет — главное, что я этого не вижу».

Сзади раздался раздражающий смех Кина. А затем я услышала, как он задувает свечу. Меня окутал сладкий аромат. Я попыталась успокоить свое покрасневшее лицо, но безуспешно. Затем меня потянули назад, и я ударила головой обо что-то, вероятно, это была грудь Кина.

— Эйли.

Он ласково позвал меня по имени и прижался губами к задней части шеи. У меня побежали мурашки по коже, и я закрыла глаза. Затем Кин крепко обнял меня. Он сжал свои сильные руки, чтобы я не сбежала, а потом остановился, и я услышала низкий голос позади себя.

— Ты хотела пойти на вечеринку. Скоро устраивают маскарад, пойдём вместе?

А? Он спросил меня и поцеловал в висок.

«Вечеринка...»

— Если ты наденешь маску, никто не узнает, что это ты. А ты просто повеселишься вместе со

мной. Это не обязательно, но иногда люди надевают маски. Поэтому, если мы оба будем в масках, никто не обратит внимания, и мы сможем повеселиться друг с другом, — прошептал мне Кин на ухо, словно рассказывал секрет. А потом он хихикнул, пожав плечами. — Если тебе это не нравится, мы можем развлечься и здесь.

Кин действительно пытался сдержать все обещания, которые он дал мне. У меня зачесались пальцы. Мне также показалось, что у меня зачесался живот. У меня все тело чешется?.. К сожалению, я хорошо знала причину этой щекотки.

Вот каково это — быть любимым.

Мне это не нравилось и нравилось одновременно.

— Не пойдёшь?

Спросил Кин ещё раз, потому что я не отвечала. В моей голове появилась картинка вечеринки, которую я однажды придумала. Мы с ним вместе находимся в толпе в огромном бальном зале, сверкающего огнями. Это будет весело. Это будет чертовски весело.

Конечно, я собиралась сказать «нет».

«О, я же могу на балу свести Кина с другой женщиной?»

Кто-то, кто будет не как я — здоровая, знающая этикет и намного лучше меня. Интересно, смогу ли я это сделать? Кин придёт в себя, когда увидит обычных людей, а не меня.

Вечеринки — это место встреч, и раз это бал-маскарад, то это должно быть место, куда многие люди приходят в ожидании тайной встречи.

— Нет, пойдём.

<http://tl.rulate.ru/book/52588/1640974>